

Батюшковъ въ этомъ отношеніи представляетъ особенно любопытный типъ писателя стараго вѣка, именно, первой четверти столѣтія. Это была натура несомнѣнно талантливая, хотя, повидимому, съ самаго начала болѣзненная и, быть можетъ, оттого нѣсколько неустойчивая. Его школьное образованіе было весьма неполное, но счастливыя личныя условія, собственная восприимчивость и талантъ помогли ему пополнить недостатки школы, — хотя въ извѣстныхъ пунктахъ, какъ увидимъ, ему недоставало очень многого. Средствомъ его дальнѣйшаго образованія осталась, конечно, литература — отчасти классики, къ которымъ приводилъ его Муравьевъ, а главнымъ образомъ владычествовавшая тогда литература французская. Выше упомянуто, что уже 14-ти лѣтъ онъ собирается читать „Кандида“, и Вольтеръ надолго остался для него источникомъ восхищенія и поученія. Чтеніе наводитъ его на поэтическіе мотивы и на философскія размышленія, но поэзія удается ему лучше философіи. Обстановка, въ которой онъ жилъ, была спокойно консервативная, и то, что онъ вычитывалъ у Вольтера, складывалось въ весьма мирное свободолюбіе, извѣстнаго рода либеральный идеализмъ. Такъ какъ его вольтеріанская философія была въ сущности мало опытнымъ дилеттантствомъ, то немудрено, что онъ послѣ въ значительной степени отказался отъ нея.

За классической лирикой и Вольтеромъ слѣдовалъ рядъ другихъ литературныхъ увлеченій и пристрастій: онъ заинтересованъ Оссіаномъ, скандинавской поэзіей, отголоски которой доходятъ до него черезъ французскія книги; еще въ пансіонѣ онъ сталъ заниматься итальянскимъ языкомъ и увлекается теперь Петраркой, Аріостомъ и Тассомъ — послѣдняго много переводитъ и воспѣваетъ въ собственныхъ элегіяхъ; англичане извѣстны ему мало; нѣсколько ближе онъ знаетъ нѣмцевъ, но въ первый разъ почувствовалъ настоящую силу нѣмецкой литературы только послѣ того, когда самъ былъ въ Германіи въ 1813 году; наконецъ, онъ знаетъ новую французскую лирику въ лицѣ Парни, и французскій романтизмъ въ лицѣ Шатобріана.

Всѣ эти литературныя стихіи отразились болѣе или менѣе въ его поэтической дѣятельности. Нельзя не видѣть, что въ его увлеченіяхъ было много случайнаго: его литературныя стремленія не складывались въ какомъ-нибудь ясно опредѣленномъ направленіи; это — страстный любитель, который въ разныхъ областяхъ европейской литературы ищетъ новыхъ впечатлѣній и отзывается на сочувственные мотивы. Нѣкоторыя изъ этихъ его литературныхъ знакомствъ, хотя для него весьма привлекательныхъ, были,